

Ефимов Алексей
ПГГПУ
группа М213

Круговорот созидания и разрушения или впечатления от документальной ленты «Вкус цемента»

«В Бейруте сирийские строители возводят небоскреб, а в то же время на родине их собственные дома уничтожаются. Медитативная, визионерская лента „Вкус цемента“ рассказывает о том, каково это — жить в ссылке в мире, раздираемой войной, и не иметь возможности вернуться домой».

Такую аннотацию к фильму Зиада Калтхума мы, зрители, можем прочитать в брошюрке-программе фестиваля Флаэртиана. Слова, разумеется, сильные. Однако немногочисленные оценочные мысли, выраженные в этом тексте кажутся мне невероятно неверными. Например то, что лента характеризуется как «медитативная». Да, по большому счету ритм, динамика повествования имеет что-то схожее с медитативным погружением, но только не сердце медитации, ее основная суть. Она предполагает отрешение от мира бытового, полное избавление от каких-либо мыслей, погружение в себя. Фильм «Вкус цемента» окунает зрителя в реальность, не спрашивая разрешения, вызывает целый ворох мыслей и переживаний. Круговорот созидания и разрушения как основная действительно значимая причина существования человечества и одновременно то, что доказывает его бессмысленность. И рассказчиками здесь служат люди, которые выбрали жизнь, а не смерть — созидание, а не разрушение. И выбор этот повлек за собой огромные последствия. Созидая жизнь, сирийские рабочие свели свою на «ноль», поставив во главу угла выживание, а не жизнь. Сложно назвать такой фильм медитативным хотя бы потому, что он вызывает не только интеллектуальную, но и эмоциональную отдушину. Настоящие, документальные кадры с мест разрушения обычных жилых домов не оставляют равнодушным.

Действительно ли лента «рассказывает» о жизни сирийских рабочих? Возможно это слово было использовано в аннотации случайно и содержит чисто формальный смысл. Но «Вкус цемента» хоть и имеет рассказчика, по большому счету она показывает, а не рассказывает. Девяносто процентов экранного времени происходит в молчании и половина — в тревожной тишине. Рабочие, присутствующие в кадре, молчат. Им не позволительно что-либо говорить об условиях их жизни и труда: спать на матрасах прямо на стройке, без возможности покинуть территорию строительства. Тишину разрушает только резкий стук молотка или включение рабочего инструмента. Используя практически идентичные механизмы, человек с легкостью способен

на разрушение, которое отделяет тонкой пеленой покой от огромных страданий, и на созидание, которое дается не так легко. Удивительно, как настоящую жизнь, без декораций и актеров, можно запечатлеть так художественно: монтаж, в котором соседство бушующих волн океана с кадрами наливающегося цемента приобретает колоссальный смысл того, как стройка заменяет героям фильма все прекрасное, что есть в мире без войн. Динамика смены кадров нарастает ближе к концу ленты и становится схожей с кручением хомяка в колесе: строители, заканчивая работу, сразу начинают новую — тем самым все больше оказываясь в замкнутом кругу, ведь войны не заканчиваются. Стрельба из танков, кладка кирпича, стрельба из танков, кладка кирпича...

Зиад Калтхум своим равнодушным взглядом рассмотрел жизнь сирийских строителей, перенес свои переживания на «полотно» и показал нам: вот, смотрите, что вы делаете — здесь жить невозможно! Здесь цемент кружит по воздуху словно снег. Оседают в легких и остаются в зубах. Даже в еде ощущается вкус цемента.